

Военное строительство

Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы

© 2017

В.В. Нелидов

В статье анализируются мотивация и цели военной политики Японии на современном этапе, а также практические меры, предпринимаемые руководством страны для достижения этих целей. Подчеркивается, что на региональном уровне военная политика Японии нацелена на парирование вызовов, исходящих от КНДР и Китая. Автор предполагает, что Япония продолжит постепенный отход от послевоенного пацифизма и наращивание потенциала Сил самообороны в опоре на союз с США.

Ключевые слова: Япония, военная политика, оборона, национальная безопасность, Силы самообороны Японии, КНДР, Китай.

С момента возвращения в 2012 г. к власти в Японии Либерально-демократической партии (ЛДП) во главе с Синдзо Абэ предпринимаемые его кабинетом меры в сфере национальной безопасности привлекают значительное внимание внутри страны и за ее пределами. Выработка новых «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны», подписанных в апреле 2015 г., принятие в сентябре того же года «законов о безопасности», сопровождавшееся массовыми протестами сторонников оппозиции, развитие национальной системы противоракетной обороны и укрепление боевого потенциала Сил самообороны не только демонстрируют готовность Токио играть более активную роль на международной арене, но влияют на всю структуру международной безопасности в Восточной Азии¹.

Таким образом задача определения ключевых тенденций и внутренней логики, в рамках которых может быть интерпретирован курс японского руководства в области национальной безопасности, представляется особо значимой. И для ее решения следует обратиться, прежде всего, к соответствующим программным документам, принятым в Японии за последние годы.

Базовым документом в данной сфере является утвержденная постановлением кабинета министров 17 декабря 2013 г. Стратегия национальной безопасности². В качестве основных в ней названы следующие три цели. Во-первых, в ней говорится об укреплении

Нелидов Владимир Владимирович, аспирант МГИМО МИД России, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com.

нии «необходимого потенциала сдерживания» для обеспечения мира и безопасности страны, а также о том, что в случае появления непосредственной угрозы она должна быть устранена, а ущерб от нее — минимизирован. Во-вторых, документ подчеркивает важность развития союза с США, а также «доверия и сотрудничества с партнерами в регионе и за его пределами». Наконец, в качестве третьей общей цели политики Японии в сфере национальной безопасности провозглашается укрепление «международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах» и принятие Японией «ведущей роли в разрешении конфликтов» посредством «постоянных дипломатических усилий и внесения вклада в виде отправки персонала [Сил самообороны для участия в миротворческих операциях]»³.

Уже из этих, пусть и весьма общих, приоритетов видны основные черты современной политики Японии в сфере национальной безопасности и в военной политике. Прежде всего, несмотря на сохранение «пацифистской» 9 статьи конституции, очевиден общий курс на развитие современных вооруженных сил, обладающих потенциалом сдерживания, адекватным стоящим перед страной вызовам. Во-вторых, наращивание боевых возможностей Сил самообороны ни в коем случае не означает отказа от союза с США, по-прежнему остающегося одним из столпов военной политики Японии. В-третьих, усиление вклада Японии в международную миротворческую деятельность означает необходимость дальнейшего расширения участия Сил самообороны в операциях за пределами страны.

Помимо указанных общих целей Стратегия национальной безопасности 2013 года перечисляет ряд вызовов безопасности Японии на глобальном и региональном уровнях. На глобальном уровне в числе таковых: изменение баланса сил и быстрый технический прогресс; угроза распространения оружия массового уничтожения (ОМУ); угроза международного терроризма; риски, связанные с пространствами, являющимися общим достоянием человечества (к ним относятся океаны, космос и киберпространство); гуманитарные проблемы; вызовы, связанные с функционированием глобальной экономики⁴. Очевидно, что этот перечень имеет достаточно общий характер. Практически каждая из перечисленных потенциальных угроз в той или иной мере относится и к любой другой крупной стране. Тем не менее даже в этой общей части содержатся положения, четко указывающие на приоритеты именно японской политики в сфере безопасности: например, упоминание ситуации в Южно-Китайском море или указание на уязвимость морских коммуникаций, в особенности маршрутов судоходства, соединяющих Японию со странами Ближнего Востока⁵.

Еще в большей степени специфику японской политики в области национальной безопасности отражает раздел, содержащий оценку ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). По мнению авторов документа, она характеризуется ростом значимости АТР в рамках мирового сообщества; сосуществованием в нем государств с различными политическими, экономическими, общественными системами и, как следствие, с различными взглядами на национальную безопасность; ростом вероятности ситуаций «серой зоны» (то есть столкновений по поводу суверенитета или интересов стран, выходящих за пределы мирного взаимодействия, но не достигающих уровня полномасштабного вооруженного конфликта); а также возникновением новых возможностей для международного сотрудничества в сфере безопасности.

Что касается конкретных региональных вызовов, то в документе называются только два: «рост военного потенциала и провокационные действия КНДР», а также «быстрый подъем Китая и его активное продвижение в различных областях»⁶. Таким образом, именно проблемы КНДР и Китая являются, по мнению авторов Стратегии, наиболее существенными и заслуживающими наибольшего внимания.

Уязвимость Японии перед ударом со стороны Северной Кореи стала ясна еще в августе 1998 г., когда КНДР испытала ракету «Тэпходон-1», перелетевшую через Япо-

нию и упавшую в Тихий океан. При этом нельзя не упомянуть, что ракетно-ядерная программа КНДР — не единственный источник беспокойства для Японии, когда речь заходит о северокорейской проблеме. Вторжения северокорейских кораблей, опасность высадки на принадлежащие Японии острова специальных подразделений северокорейских вооруженных сил, по мнению японской стороны, также вполне вероятны. Вот уже несколько десятилетий острым вопросом в отношениях двух стран остается проблема похищенных Северной Кореей японских граждан. Естественно, что правящие круги Японии и авторы ее программных документов в области военной политики полагают, что угроза со стороны КНДР заслуживает пристального внимания и что на эту угрозу необходимо дать адекватный ответ. Более того, с течением времени оценки того, насколько существенной является проблема КНДР с точки зрения национальной безопасности Японии, продолжают ужесточаться.

Так, в «Руководящих принципах программы национальной обороны» на период 1996 фин. г. единственное упоминание Кореи (без указания на конкретное корейское государство) звучит следующим образом: «В районах, окружающих Японию [...] остаются элементы непрозрачности и неопределенности, среди которых сохранение напряженности на Корейском полуострове, где так и не установилась стабильная обстановка с точки зрения безопасности»⁷. В аналогичном документе 2005 г. содержатся уже более конкретные формулировки: «[...] Северная Корея занимается разработкой, развертыванием и распространением оружия массового уничтожения и баллистических ракет, а также поддерживает значительные силы специального назначения. Такая военная активность Северной Кореи является серьезным дестабилизирующим фактором для безопасности в регионе, а также представляет серьезную проблему с точки зрения международных усилий по поддержанию режима нераспространения»⁸. В документе 2011 г. к этому добавились утверждения, что Северная Корея «регулярно осуществляет провокационные действия на Корейском полуострове» и что подобные ее действия являются «не терпящим отлагательства и серьезным дестабилизирующим фактором в регионе, к которому относится и Япония» (курсив мой — В.Н.)⁹. В «Руководящих принципах программы национальной обороны» 2014 г. к этому добавлено, что КНДР «сохраняет и укрепляет асимметричную военную мощь», «перешла на новый этап» в развитии ракетных технологий, и «подобные успехи в развитии ракетно-ядерной программы в сочетании с адресованной Японии провокационной риторикой, в которой содержатся и угрозы нанесения ракетно-ядерного удара, являются серьезной и не терпящей отлагательства угрозой для безопасности Японии»¹⁰. Таким образом, сейчас опасностью считается уже не только потенциальное нападение на Японию, но и сам факт осуществления Северной Кореей ракетно-ядерной программы и поддержания ею существенного военного потенциала.

Именно северокорейский фактор является ключевой мотивацией для Японии в ее усилиях по развитию национальной системы противоракетной обороны (ПРО). Решение о ее создании было принято японским правительством в декабре 2003 г. как ответ на испытания ракет Северной Кореей¹¹. В настоящее время система ПРО Японии состоит из двух эшелонов: наземные комплексы «Пэтриот» PAC-3, задачей которых является перехват баллистических ракет на конечном участке их траектории, и устанавливаемые на кораблях ВМС Сил самообороны комплексы «Иджис», которые должны перехватывать ракеты еще до вхождения их в плотные слои атмосферы¹². Кроме того, существует вероятность, что ПРО Японии будет усилена дополнительными элементами. Один из рассматриваемых правительством вариантов — комплексы THAAD (Terminal High Altitude Area Defense, «терминальная высотная зональная оборона») ¹³. Другой — приобретение наземных комплексов «Иджис», которые могут дополнить возможности аналогичных корабельных систем¹⁴.

Следует отметить, что с самого начала развитие системы ПРО Японии было, по сути, совместным проектом с американскими союзниками. Первые японо-американские

консультации о возможности создания японской противоракетной обороны были начаты еще в декабре 1993 г., до того, как проблема северокорейской ракетно-ядерной программы вышла на первый план. В декабре 1998 г., через несколько месяцев после запуска КНДР ракеты «Тэпходон-1», правительство и Совет безопасности Японии одобрили начало совместного японо-американского проекта по созданию системы противоракетной обороны, а соответствующий меморандум о взаимопонимании был подписан в августе 1999 г.¹⁵ В декабре 2004 г. был частично смягчен запрет на экспорт вооружений именно для того, чтобы облегчить совместную работу над ПРО¹⁶. С 2005 г. начались японо-американские учения, в ходе которых стороны отрабатывали обмен информацией от систем обнаружения, а с 2007 г. Япония проводила вблизи побережья Гавайских островов тестовые запуски ракеты SM-3 совместной разработки. В апреле 2009 г., перед очередным ракетным испытанием Северной Кореи, налаженность японо-американского сотрудничества в области противоракетной обороны была продемонстрирована на деле: Япония поставила на боевое дежурство два эсминца, оснащенных системой «Иджис», а США направили к японским берегам пять эсминцев с указанными комплексами¹⁷.

Однако наличие запрета на коллективную самооборону, основанного на трактовке конституции, изложенной в принятом в 1972 г. заявлении Законодательного бюро кабинета министров Японии¹⁸, создавало парадоксальную ситуацию. С одной стороны, ПРО создавалась в тесном сотрудничестве с США и с использованием американских технологий. С другой — в силу законодательных ограничений эта система могла использоваться только для защиты территории Японии, но не Соединенных Штатов. Наглядным свидетельством тому послужило сделанное в декабре 2003 г. заявление генерального секретаря кабинета министров Ясуо Фукуда: «[ПРО] будет использоваться по независимому решению Японии и не будет применяться для защиты третьих стран. Таким образом, не возникает никаких проблем в связи с правом на коллективную самооборону. ПРО будет перехватывать ракеты по независимому решению Японии, основываясь на информации о цели, полученной от собственных японских систем слежения»¹⁹. Фактически, это противоречие было снято только после того, как право Японии на коллективную самооборону было утверждено сначала изменением официальной трактовки конституции в соответствии с принятым 1 апреля 2014 г. постановлением кабинета министров, а после этого принятием «законов о безопасности» в сентябре 2015 г. и их вступлением в силу в марте 2016 г.

Не все в политических и военных кругах Японии считают, что развертывание национальной системы ПРО будет достаточной защитой от гипотетического нападения со стороны КНДР. Еще одна проблема, дискуссия относительно которой периодически возобновляется в японских правящих кругах, это обретение Силами самообороны технической и юридической возможностей осуществить ответный или, в случае очевидной неизбежности нападения, превентивный удар по пусковым установкам противника. Подобные идеи высказывались неоднократно: так, еще в 2004 г. генеральный директор Управления национальной обороны Сигэру Исиба распорядился, чтобы Национальный институт оборонных исследований изучил вопрос об использовании крылатых ракет для поражения северокорейских ракетных баз²⁰.

Дискуссия вокруг возможности обретения Силами самообороны собственного, независимого от США военного потенциала снова активизировалась в 2017 г. Особенно широкую поддержку подобные проекты получили среди руководства правящей Либерально-демократической партии. Причина тому — обострение ситуации на Корейском полуострове весной 2017 г. и приход к власти в США администрации Дональда Трампа, призвавшего союзников США более активно заботиться о собственной безопасности. В результате, в доклад, подготовленный Советом по национальной безопасности ЛДП и излагающий предложения относительно содержания Среднесрочного плана развития оборонного потенциала на 2019–2023 гг., включен пункт об официальном рассмотрении

вопроса о наращивании боевых возможностей Сил самообороны, позволяющих им вести самостоятельные боевые действия. Кроме того, доклад призывает правительство принять решение об усилении национальной ПРО путем принятия на вооружение наземных систем «Иджис» и комплексов ТНААД; поднять расходы на оборону, ориентируясь на уровень в 2% ВВП (именно таких трат на военные нужды требует от союзников по НАТО новый американский президент); увеличить количество стоящих на вооружении Сил самообороны самолетов, кораблей и подводных лодок; создать собственную японскую систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и, наконец, распространить понятие самообороны на сферу кибербезопасности, дав Силам самообороны возможность проводить операции в киберпространстве²¹.

Другим принципиально важным вызовом безопасности Японии, который оказывает значительное влияние на формирование военной политики Токио, является проблема Китая. Она состоит из нескольких элементов. Прежде всего, это длящийся уже несколько десятилетий спор между Японией и Китаем относительно принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао, который потенциально может перерасти в вооруженное столкновение за контроль над этими территориями. Спор вокруг островов периодически становился причиной серьезных кризисов в отношениях Японии и КНР. Регулярными стали вторжения китайских кораблей в японские территориальные воды, а в ноябре 2013 г. КНР в одностороннем порядке объявила о создании в Восточно-Китайском море опознавательной зоны противовоздушной обороны.

В качестве потенциальной угрозы своей безопасности Токио воспринимает и территориальный спор между Китаем и его соседями из Юго-Восточной Азии за акватории Южно-Китайского моря, приобретший особую остроту после того, как в 2014 г. Китай начал масштабные работы по созданию в спорных акваториях искусственных островов и строительству на них оборонительной инфраструктуры²². Хотя сама Япония не является непосредственной стороной в этом территориальном споре, важность для нее Южно-Китайского моря сложно переоценить: через пролегающие по нему судоходные маршруты в год перевозится товаров на сумму порядка 5 трлн долларов, и немалая часть этого товаропотока идет из Японии или в нее²³.

Наконец, Японию серьезно беспокоит рост военной мощи Китая в целом, выражающийся в постоянном и значительном увеличении военных расходов Пекина. О том, с какой настороженностью японские политические элиты относятся к военному усилению Китая, свидетельствует тот факт, что первоначальный вариант «Белой книги» Министерства обороны Японии за 2015 г. был отвергнут комитетом ЛДПЯ по оборонной политике из-за излишне «мягкого» освещения в нем именно китайской проблематики²⁴. Таким образом, можно сказать, что эти аспекты — территориальные споры и обеспокоенность укреплением военной мощи КНР — взаимно усиливают друг друга, создавая напряженность в японо-китайских отношениях и подталкивая Японию к дальнейшим шагам в области укрепления собственного военного потенциала и расширения военного сотрудничества с США.

В программных документах военной политики Японии Китай рассматривается как потенциальная угроза не только в контексте спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Вполне обоснованными представляются оценки, что на смену политике в отношении Китая, нацеленной исключительно на парирование возможных попыток захвата НОАК спорных островов, приходит осознание того, что ситуация в Восточно-Китайском море связана с ситуацией в Южной-Китайском море. Это, в свою очередь, ведет к активизации сотрудничества Японии с другими странами восточноазиатского региона и за его пределами, разделяющим обеспокоенность Токио относительно усиления военного потенциала КНР²⁵.

Как вызов безопасности Японии, который воплощает в себе Китай, отразился в ее конкретных шагах в области военной политики? Прежде всего, это повышение вни-

мания к обороне «удаленных островов», под которыми подразумеваются острова Сэнкаку/Дяоюйдао и другие территории на юго-западе Японского архипелага, особенно уязвимые в случае конфликта.

Планы по укреплению обороны удаленных островов уже реализуются на практике. Японские Силы самообороны создают новые гарнизоны на них вблизи юго-западных морских рубежей страны. Примером может послужить открытие в конце марта 2016 г. новой базы на острове Ёнагуни, находящемся всего в 110 км к востоку от Тайваня и в 150 км к югу от спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао. До этого самым западным опорным пунктом Сил самообороны был радар ВВС на острове Миякодзима, находящемся более чем в 200 км к востоку от Ёнагуни. Таким образом, для наблюдения за ситуацией в обширных акваториях, лежащих в непосредственной близости к спорным районам Восточно-Китайского моря, японской стороне приходилось полагаться на патрульные корабли и самолеты морских Сил самообороны, а также корабли Береговой охраны, что не позволяло осуществлять круглосуточный контроль. Новый опорный пункт оснащен различными средствами раннего обнаружения и радиоперехвата, а численность расквартированных на нем военнослужащих составляет порядка 150 человек. По оценкам экспертов, это не только позволяет Силам самообороны контролировать ситуацию в Восточно-Китайском море, но расширяет зону наблюдения вплоть до северной границы Южно-Китайского моря²⁶.

Японская сторона планирует и в дальнейшем развивать сеть военных баз, прикрывающих юго-западное направление. Согласно опубликованным планам, ожидается, что к концу 2018 г. будут размещены новые еще более крупные военные базы на входящих в префектуру Окинава островах Амами (550 военнослужащих) и Миякодзима (700–800 военнослужащих), а позднее — на острове Исигаки (500–600 военнослужащих). При этом новые базы будут не только выполнять функции наблюдения, но будут также оснащены противокорабельными и противовоздушными ракетными комплексами²⁷.

Подобные шаги Токио вызвали резкую реакцию китайского руководства, обвинившего Японию в милитаризации региона и назвавшего «лицемерной» позицию японской стороны, которая критикует рост военного потенциала Китая, при этом наращивая собственный военный потенциал²⁸.

С 2012 г. началась подготовка военнослужащих, которые войдут в состав морского десантного подразделения сухопутных Сил самообороны. Численность этих сил, создаваемых по образцу Корпуса морской пехоты (КМП) США, должна составить порядка 3000 военнослужащих. Базироваться они будут в городе Сасэбо, на западе острова Кюсю²⁹. Ожидается, что новые силы будут сформированы до конца 2017 г.³⁰

Формирование японской версии морской пехоты происходит в тесном взаимодействии с американскими союзниками. Совместные тренировки военнослужащих сухопутных Сил самообороны и Корпуса морской пехоты США начались еще в 2007 г. В июне 2013 г. японские военнослужащие впервые приняли участие в проводимых ежегодно крупномасштабных учениях «Dawn Blitz», в ходе которых силы ВМС и КМП США отрабатывают высадку с моря. В отличие от предыдущих совместных учений, в которых участвовали относительно небольшие группы военнослужащих, на этот раз с японской стороны были представлены эсминцы «Хюга» и «Атаго», транспорт «Симокита», а также ударные вертолеты АН-64D и транспортные вертолеты СН-47JA³¹. Хотя сами учения проводились у берегов Калифорнии, реакция Китая на них была резко негативной: китайская сторона даже потребовала не проводить ту их часть, в ходе которой японские и американские силы отрабатывали взятие под контроль удаленного острова, но эти требования были проигнорированы³².

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что многие из предпринимаемых Токио шагов в сфере военной политики действительно могут быть интерпретированы как стремление ответить на два наиболее существенных вызова безопасности страны, четко

обозначенных в программных документах. Первый из них — угроза со стороны КНДР, прежде всего, в контексте создания ею ракетно-ядерного оружия. Второй — проблема Китая, включающая как конкретный территориальный спор вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао, так и обеспокоенность относительно амбиций КНР в Южно-Китайском море и усиления ее военной мощи в целом. Реагирование Японии на эти вызовы в целом соответствует тем сформулированным в Стратегии национальной безопасности общим принципам, о которых говорилось выше. Они заключаются в том, чтобы постепенно укреплять собственный военный потенциал, продолжая при этом придерживаться принципиального курса на сохранение и развитие союза с США.

Следует отметить, что с точки зрения анализа логики и мотивации военной политики Японии не столь существенно, реалистичны ли обозначенные угрозы по мнению стороннего наблюдателя, например, действительно ли Китай может попытаться силой захватить спорные острова, или готова ли КНДР нанести ракетно-ядерный удар по Японии. Вне зависимости от того, являются оценки японских стратегов обоснованными или, напротив, излишне алармистскими, именно на основе этих оценок принимаются конкретные решения, касающиеся военных ассигнований, размещения войск, принятия на вооружение новых систем, а потому они в любом случае заслуживают пристального внимания.

Следует указать и на ряд ограничений, свойственных выбранному подходу к анализу военной политики Токио. Из-за того, что основным предметом анализа являлась реакция Японии на вызовы со стороны Китая и КНДР — центральные, но не единственные в иерархии целей и задач военной политики Японии — за рамками остался ряд других направлений, включая проблему обеспечения безопасности морских коммуникаций, борьбу с терроризмом, проблемы безопасности в космосе и киберпространстве, которые также мотивируют определенные шаги японского государства в военной сфере.

Другое ограничение связано с тем, что изображенная в общедоступных программных документах картина приоритетов военной политики Японии, ее целей и задач отражает официальную публичную позицию. При этом принципиально важные оценки, цели и задачи могут содержаться в закрытых документах японского Министерства обороны или японо-американских органов планирования в области национальной безопасности. Задачу, однако, существенно облегчает наличие активной публичной дискуссии о будущем политики Японии в области национальной безопасности, ведущейся на основании открытых программных документов. При этом достаточно высокий уровень прозрачности военной политики Японии (по крайней мере, в сравнении с ее соседями по региону — Китаем и КНДР) позволяет предполагать, что даже не подлежащие официально разглашению документы вряд ли содержат положения, идущие вразрез с тем, что излагается в Стратегии национальной безопасности, Руководящих принципах программы национальной обороны, Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны и других подобных документах.

Даже на основании схематичной картины целей, мотивации и логики военной политики Японии, изложенной выше, можно сделать следующие прогнозы относительно того, в каком направлении эта политика будет развиваться в дальнейшем. При условии сохранения напряженности на Корейском полуострове, дальнейшего укрепления военного потенциала Китая и его все более активной политики в регионе можно с уверенностью говорить, что Япония будет и дальше продолжать количественно и качественно наращивать военный потенциал и все дальше отходить от тех пацифистских принципов, которые на протяжении десятилетий ограничивали возможность применения Сил самообороны за пределами страны. Вместе с тем, эти меры будут нацелены, прежде всего, на парирование тех непосредственных угроз, которые, по мнению японских стратегов, стоят перед страной. Вряд ли можно говорить, что в обозримой перспективе есть вероятность превращения Японии в державу, которая стремилась бы к военной мощи как к са-

моцели, выходя за рамки того, что необходимо для обеспечения безопасности страны перед лицом непосредственных и очевидных вызовов.

Ключевую роль в данной ситуации будет играть позиция Соединенных Штатов Америки. Именно сотрудничество с США зачастую оказывается для Японии важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности. Избавиться от этого союза значило бы для Токио разом лишиться целого ряда выгод и преимуществ, а потому до тех пор, пока Вашингтон будет готов предоставлять свои гарантии Японии, можно быть уверенным, что Япония будет твердо придерживаться курса на сотрудничество с Америкой. Ослабление японо-американского союза или его распад возможны только в случае перехода США к радикально изоляционистской политике или в случае резкого изменения стратегической ситуации в Восточной Азии, которое сведет на нет выгоду от американских гарантий безопасности. Не следует ожидать излишне быстрого наращивания Токио своей военной роли на международной арене, даже в рамках союза с США — в этом случае Япония против своей воли может оказаться вовлеченной в инициированные американской стороной конфликты, что противоречит общей мотивации на максимизацию собственной безопасности. Выражением подобной позиции, которая может быть названа «хеджированием» стратегических рисков³³, служит, к примеру, тот факт, что даже право на «коллективную самооборону», легализация которого стала одним из наиболее заметных достижений правительства Синдзо Абэ, по-прежнему сопровождается целым рядом жестких условий, призванных не допустить ввязывания Японии в «чужие» войны.

В то же время опасения относительно возможного отказа Вашингтона от защиты своих союзников, высказывавшиеся в ходе предвыборной кампании 2016 г. в США, так и не оправдались, а стратегическая ситуация в Восточной Азии в близкой и средней перспективе вероятно останется в рамках существующих тенденций. Это позволяет со значительной уверенностью говорить о том, что общий курс военной политики Японии — постепенное укрепление сил Самообороны при сохранении и развитии союза с США — в обозримом будущем, по-видимому, останется прежним.

1. *Добринская О.А.* Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный поворот. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 236.
2. Кокка андзэн хосё: сэнкаку ни цуитэ: [О Стратегии национальной безопасности Японии]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf.
3. Там же. С. 4.
4. Там же. С. 5–9.
5. Там же. С. 8–9.
6. Там же. С. 10–11.
7. Хэйсэй 8 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко:: [Руководящие принципы программы национальной обороны на период с 1996 финансового года]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/1996_taikou/dp96j.html
8. Хэйсэй 17 нэндо ико: ни какару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цуитэ: [О Руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2005 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2005/taikou.html>
9. Хэйсэй 23 нэндо ико: ни какару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цуитэ: [О Руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2011 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2011/taikou.pdf>
10. Хэйсэй 26 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цуитэ: [О руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2014 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf>
11. *Янагисава К.* Бо:коку но сю:дантэки дзэйкэн: [Коллективная самооборона погубит страну]. Токио: Сюэйся, 2015. С. 53.
12. Хэйсэй 28 нэн бан бо:эй хакусё: [Белая книга национальной обороны за 2016 год]. С. 290. URL: <http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2016/pdf/28010202.pdf>

13. Бо:эйдайдин риндзи кисякайкэн гайё: [Резюме пресс-конференции министра обороны Томоми Инада]. 13.01.2017. URL: <http://www.mod.go.jp/j/press/kisha/2017/01/13.html>
14. Рикудзё:гата и дзису га ю:сэй, Нихон но мисаиру бо:эй кё:касаку канкэйся: [Источники: наземные комплексы «Иджис» превосходят другие варианты, могут быть использованы для укрепления ПРО Японии] // Reuters. 05.13.2017. URL: <http://jp.reuters.com/article/aegis-ashore-japan-idJPKB. № 18904S>.
15. Japan's BMD. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/bmd/bmd.pdf
16. Hughes C. Japan's Remilitarization. Oxford: Routledge, 2009. P. 74.
17. Ibid. P. 93.
18. Hosoya Y. Right to Collective Self-Defense and the U.S.-Japan Alliance: How Will the Alliance be Strengthened // USJI Voice. 2015. Vol. 8. URL: <http://www.us-jpri.org/en/voice/vol8>
19. Hughes C. Op. cit. P. 116.
20. Ibid. P. 107.
21. Тэки кити ко:гэки но:рёку о дзики тю:кибо: BMD кю:ка мо дзимин гэнбан: [Подготовленный ЛДП проект доклада призывает к включению в следующий среднесрочный план обороны потенциала для удара по базам противника и к укреплению ПРО] // Дзидзи цусин. 14.06.2017. URL: <http://www.jiji.com/jc/article?k=2017061401117&g=pol>
22. China's Activities in the South China Sea. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/surround/pdf/ch_d-act_20150728e.pdf
23. South China Sea. U.S. Energy Information Administration report. URL: https://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf
24. Alarmist defense white paper // The Japan Times. 26.07.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/07/26/editorials/alarmist-defense-white-paper/#.WUu-6mjyiUk>
25. Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 25.
26. GSDF brings Yonaguni radar station online to keep closer eye on China // The Japan Times. 28.03.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/28/national/g sdf-brings-yonaguni-radar-station-online-keep-closer-eye-china/#.WUvBlmjyiUk>
27. Ёнагунидзима дэ рикудзи бутай га нимму кайси, хигасисинакай де тю:гоку о канси: [На острове Ёнагуни начинает работу база Сухопутных войск Сил Самообороны, которая будет наблюдать за действиями Китая в Восточно-Китайском море] // Reuters. 28.03.2016. URL: <http://jp.reuters.com/article/okinawa-idJPKC№ 0WU0BF>
28. China says Japan base shows its hypocrisy on South China Sea // The Japan Times. 31.03.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/31/national/politics-diplomacy/china-says-japan-base-shows-hypocrisy-south-china-sea/#.WUvET2jyiUk>
29. Hayashi Y. Japan Builds Amphibious Force Modeled on U.S. Marines // The Wall Street Journal. 18.07.2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/japan-builds-amphibious-force-modeled-on-us-marines-1405597172>
30. «Суирику кидо:дан» со:сэцу дзюмби ва саисю: данкаи: [Последний этап подготовки к созданию «амфибийного мобильного подразделения»] // Санкэй ню:су. 20.03.2017. URL: <http://www.sankei.com/politics/news/170320/pl1703200003-n1.html>
31. Amphibious Force. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/jgsdf-amphibious.htm>
32. McCurry J. War games near California: Are the US and Japan sending a message to China? // The Christian Science Monitor. 27.07.2013. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2013/0627/War-games-near-California-Are-the-US-and-Japan-sending-a-message-to-China>
33. Стрельцов Д.В. Новые моменты в развитии японо-американского военно-политического союза // Япония. Ежегодник. 2012. № 41. С. 79.